

НОВОЕ О ВЕЛИКОМ ПОЭТЕ

Ираклий АНДРОНИКОВ

В 1933 ГОДУ в Ленинграде умер Александр Иванович Никольский. До революции он служил в Генеральном штабе, в советское время состоял членом общества «Старый Петербург — Новый Ленинград», занимался собиранием материалов для биографий артистов петербургских театров и специально — историей Моховой улицы, где, начиная с XVIII столетия, жили многие актеры...

Дойдя до дома № 11 (по старой нумерации № 6 по Литейной части 2-го участка) на углу Моховой и Пантелеймоновской (ныне улицы Пестеля), А. И. Никольский выяснил, что тут жила солистка Петербургского балета Варвара Волкова.

Волкова отличалась выдающейся красотой и сложением, была изящна и грациозна. Ее заметил Николай I. С тех пор она неизменно пользовалась царским расположением. Наконец, она увлеклась поручиком лейб-гвардии гусарского полка Дмитрием Якимовичем Пономаревым, поселилась на Моховой и жила с ним очень открыто, принимая у себя больше общество.

29 января 1837 года Волкова пригласила гостей на «вишней и землянику», которые были доставлены ей из-за границы в малых количествах. В числе приглашенных находились великий князь Александр (будущий Александр II) и братья его — Константин и Николай Николаевичи. «В разгар вечера, — сообщает Никольский, — приехал бывший тогда больным поэт М. Ю. Лермонтов (тоже был приглашен) и сообщил печальное известие о смерти А. С. Пушкина. Сообщение это произвело на всех присутствующих такое впечатление, что тотчас же разъехались».

Дальнейшая судьба Волковой нам уже не так интересна. После смерти Д. Я. Пономарева (он утонул, катаясь вместе со своими гостями по озеру около своей ярославской усадьбы) она вернулась в балет. Выйдя на пенсию, поселилась в семье известной петербургской танцовщицы Марии Соколовой-Коваловой. Умерла Волкова в 1898 году.

Эту биографическую справку Никольский составил на основании дел театральной дирекции, хранящихся в Ленинградском историческом архиве, и «личных воспоминаний» дочери М. П. Соколовой-Коваловой — Александры Александровны Галумовой.

В доме родителей А. А. Галумовой Волкова прожила ровно сорок лет — с 1858 по 1898 год. И все, что Галумова пересказала Никольскому, она слышала от Волковой, разумеется, не один раз.

Итак, перед нами рассказ Волковой в передаче Галумовой, записанный А. И. Никольским. Попробуем оценить этот текст.

Некоторые сведения в рассказе совершенно точны. Другие кажутся мало правдоподобными. Так, на званом вечере Волковой, кроме двенадцатилетнего наследника (Александра II), присутствуют младшие сыновья Николая I Константин и Николай, которым в 1837 году было всего шесть лет и десять. Проверить, что они делали вечером 29 января 1837 года, трудно.

Зато все, что касается Пономарева, передано вполне

ровне. Это сведение промелькнуло в печати до революции, но оставлено без внимания. Между тем оно несколько не уступает свидетельствам других современников, которые пользуются совершенным доверием.

1 октября 1913 года перед Николаевским кавалерийским училищем в Петербурге, преобразованном из юнкерской школы, в которой учился Лермонтов, состоялась закладка памятника в связи с приближавшей годовщиной со дня рождения поэта. Во время церемонии слово взял знаменитый ученый-географ и путешественник, восьмидесятишестилет-

К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова

достоверно. Он был товарищем Лермонтова еще по юнкерской школе, выпущен годом раньше в тот же самый гусарский лейб-гвардии полк. Юнкера окрестили его «Камашкой» — именем, которое пристало к нему на всю жизнь. Крупный помещик, один из самых богатых офицеров полка, Пономарев в 1837 году снимал в Петербурге по Литейной части в квартале № 113 квартиру в доме № 6 по Пантелеймоновской улице, что на углу Моховой. Имение его находилось в Ярославской губернии, умер он, утонув в озере. Этих сведений Никольский добыть из печати не мог — все это находки последнего времени.

Как отнестись к сообщению о том, что Лермонтов появился на вечере, который устраивал его однополчанин Дмитрий Пономарев?

Может быть, это вымысел А. А. Галумовой?

Непохоже! Для этого нужно было знать и адрес Пономарева, и то, что он служил в одном полку с Лермонтовым и что Лермонтов в январе 1837 года считался больным и все же был приглашен на «землянику и вишню».

Может быть, следует допустить, что это неточность Волковой, вспоминавшей на девятом десятке события, происходившие, когда ей было всего двадцать лет?

Тоже возможно. Но, кажется, ясно одно: реальное событие искажено передачей, но в основе рассказа лежит действительный факт.

Во всяком случае, нам следует знать, что такое предание существовало.

С гораздо большей уверенностью можно воспринимать другое сообщение: о том, что Лермонтов, узнав об опасном положении Пушкина, приезжал на Мойку, чтобы справиться о его здо-

ровье. Это сведение промелькнуло в печати до революции, но оставлено без внимания. Между тем оно несколько не уступает свидетельствам других современников, которые пользуются совершенным доверием.

«Я — единственный из присутствующих, — произнес он, заключая свое выступление, — знавший и видевший Лермонтова. 10-летним мальчиком дядя возил меня в дом умиравшего Пушкина, и там, у гроба умершего гения, я видел и знал великого Лермонтова».

Передано все крайне неточно, но сомневаться в том, что это было в действительности, нет никаких оснований.

Вчитываясь в краткий рассказ престарелого сановника и ученого, надо помнить, что перед нами не стенограмма, а репортерский отчет, писанный кем-то из воспитателей Николаевского училища и напечатанный в юбилейном сборнике. Фразы, конечно, неясны: «Дядя возил меня в дом умиравшего... и там у гроба умершего гения я видел и знал великого Лермонтова».

О закладке памятника великому поэту должны были появиться отчеты в тогдашних газетах. И действительно, записи других репортеров уточняют текст выступления. Газета «Речь» изложила дело несколько по-другому: становится понятным, что это было до смерти Пушкина:

«В первый раз он увидел Лермонтова, — излагает репортер «Речи» выступление ученого, — когда умирал Пушкин. Дядя П. П. Семенова-Тянь-Шанского, товарищ Пушкина, взял его с собою, когда поехал узнавать о состоянии здоровья поэта. Здесь они встретились с М. Ю. Лермонтовым».

В тех же словах изложила выступление газета «Современное слово».

Из сопоставления всех этих крайне несовершенных за-

писей становится очевидным: В. Н. Семенов возил десятилетнего племянника не прощаться с Пушкиным; ездили справиться о здоровье. И здесь, возле дома Пушкина, видели Лермонтова. Значит, в дни, когда умирал Пушкин, Лермонтов возле дома на Мойке был.

Выдумать этот факт Семенов-Тянь-Шанский не мог. Трудно предположить и ошибку, ибо впоследствии, уже взрослым, он имел полную возможность это детское воспоминание проверить, когда в присутствии дяди заводил речь о Пушкине и о Лермонтове. А главное доказательство вовсе не в этом, а в том, что Лермонтов, если только он не был болен и выходил из дому, не мог не побывать у Певческого моста на Мойке! И это, пожалуй, самый существенный аргумент в пользу рассказчика.

Как в основе былины лежит подлинный факт, изучающий народную фантазией, так и в этих откликах, которые мы привели, несмотря на неубедительность передачи, исследователь имеет право угадывать подлинное событие. До сих пор биографы Лермонтова слишком доверчиво относились к версии о болезни, не обращая внимания на факты, противоречившие объяснениям, написанным в расчете на судей. Как-то даже и не подумали, что отлучка из полка без разрешения начальства, о которой стало известно царю, в глазах Лермонтова и Раевского была в тот момент немногим лучше стихов и настолько усугубляла вину, что болезнь назалась единственным удовлетворительным оправданием — и жизни в столице, и «нестройного столкновения мыслей», вследствие чего подозрения, что он, Лермонтов, в эти дни виделся с кем-то и выступает в стихах не только от своего имени.

Хорошее правило использовать документы, не внушающие сомнения в их подлинности, и отбрасывать тексты недоброкачественные в данном случае непригодно. Потому что показания предназначенные для судей, хотя и писаны рукою Лермонтова, не более достоверны в отношении фактов, нежели впечатление десятилетнего отрока. Поэтому будем считать, что до нас дошли искаженные временем и способом передачи рассказы, свидетельствующие о том, что Лермонтов, в те дни мог выходить из дому и был в толпе возле дома, где умирал Пушкин.

(АПН).

(Статья печатается с сокра-

Воспоминания Лермонтова, 1964, 14 сент.